

2. Москва
Театр "Третье направление"
хрр О. Кудряшов

Когда я вернусь...

● ТЕАТР АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА ● ЗВУК И СМЫСЛ

О ТЕАТРЕ песни наша газета уже писала после премьеры первого его спектакля — «На покидай меня, весна...» по песням Ю. Кима. Сегодня этот театр уж приобрел название — «Третье направление», и на нем нам кажется необходимым остановиться. Первое — это классика во всех ее видах, второе — аса виды эстрады. А третье, по мысли руководителя театра О. Кудряшова, — это все остальное и в первую очередь авторская песня.

Все остальное — в том числе и джаз? Ну нет — для него необходимы прекрасные, высокопрофессиональные музыканты, как нам напомнил показанный недавно по ЦТ концерт Девяна Брубэка, так что с джазом подождем до тех пор, пока они вырастут и создадут свой театр (кстати, не так уж долго, может быть, ждать, ибо по тому же телевидению показали как-то нашего юного музыканта, удостоившегося письма от самого Горювица, и другого, преподавателя музыкальной школы, страстного любителя джаза; так что молодежь подрастает...). А пока — третье направление, авторская песня, с которой О. Кудряшов может работать, как может быть, никто больше сегодня (что он блестяще доказал, поставив в ГИТИСЕ «Клопа» В. Маяковского — оперу, музыка и либретто которой непосредственно примыкают к этому направлению). Авторская песня по природе своей ориентирована на домашнее музицирование, на непрофессиональных исполнителей (зато чувствующих дух и стиль музыки и прекрасно понимающих то, что они поют), вот их и воспитывает О. Кудряшов, причем делает это очень умело: получаются не любители, а профессиональные исполнители авторской песни.

Вообще-то говоря, театрализовать, включить в театральную структуру песню очень непросто. Песни (и авторские в том числе) чаще всего монологичны, поются от лица определенного лирического героя (многие песни Высоцкого, например), а театр — это прежде всего диалог, общение людей, порой находящихся на полярных позициях. Тут нужны, во-первых, тщательный отбор и, во-вторых, умение пользоваться театральными выразительными средствами, чтобы взгляды персонажей, высказанные в песнях, вошли в общение друг с другом. Это, впрочем, самые общие принципы — есть еще множество.

Правда, в работе над новым спектаклем «Когда я вернусь...» по песням А. Галича режиссеру во многом облегчал поиски решения сам материал — творчество Александра Галича, начинающего возвращаться к читателям, поэта, отличающегося, я бы сказал, принципиальным многоголосием, поэта, у которого много лирических героев, в том числе и таких, которые исключают друг друга самим фактом своего существования. Например — палачи и жертвы. Тема палачей, тоскующих по «порядку», который был в их времена, и душою не сломленных жертв, разворачи-

вается в разных вариациях весь первый акт спектакля, со все новыми поворотами.

Израдка она перемежается с другой трагической темой нашей истории — судьбами Зошенко, Ахматовой, Пастернака. Читается сообщение Литфонда СССР о смерти Пастернака, и звучит песня Галича, в которой есть горькие слова: «Как гордимся мы, современники, что он умер в своей постели». Она воспринимается как покаяние в том, в чем автору вроде бы и не надо каяться, — но ведь, если разобьются, то покаяться в этом должен каждый, кто жил в те времена, даже если не принимал никакого участия (именно потому, что не принимал участия).

ЖИВИ Александр Галич сегодня в Москве, он помогал бы бороться с негативными явлениями. Во второй части спектакля мы видим «героев» этого прошлого. Это люди, которые прекрасно себя чувствовали в мутной воде нашей недавней истории и которые сегодня серьезно мешают нам, — и вот они предстают перед нами во всем своем духовном убеждении, во власти всяких старотитлов, как некий бригадир, который не понимает, почему его бригада не присваивают звания бригады коммунистического труда, и ему приходится объяснять, что продукция неподходящая — выпускают колочную проволоку. Но он этого не понимает и обижается... Так вот, Галич об этом непонимании и писал свои песни.

Надо прямо сказать, в нашем музыкальном театре такой спектакль сегодня — редкость. Причем не только по материалу, но и по уровню искусства. Многоголосие песен и героев Галича выстроено в четкую структуру спектакля — каждая песня звучит самостоятельно, и в то же время они корреспондируют одна с другой, соединяются в некое целое. На большом протяжении спектакля (более трех часов) ни в одном месте не возникает ощущения спяла

И еще: О. Кудряшов умеет замечательно работать с исполнителями, с актерами. Они понимают все, о чем они поют. Это кажется само собой разумеющимся, но, правда же, в музыкальном театре бывает далеко не всегда — часто смысл приносится в жертву звуку (и в театре и на эстраде: попробуйте разобрать, о чем поют, скажем, многие рок-исполнители, — без серьезных усилий вам это не удастся, они, правда, могут возразить, что не в словах смысл их музыки, — и будут по своему правы). Но смысл авторской песни нельзя приносить в жертву, и О. Кудряшов умело добивается от своих актеров понимания той музыки, которую они поют.

Между прочим, в ряде случаев это не та музыка, которую подбирали на гитаре А. Галич: О. Кудряшов и музыкальные руководители спектакля В. Семенов и А. Сервер изменили некоторые мелодии, но они сделали это с большим тактом — может быть, зная творчество поэта и углубив изменения, но мне это не удалось ни разу.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ необходимо сказать несколько слов о театре «Третье направление». За год, прошедший со дня его образования, он доказал свою жизнеспособность, и теперь и коллектив, и руководитель хотят, чтобы он стал хозрасчетным. Сейчас он — самоокупаемый. В чем разница? В том, чтобы актеры получали деньги за то, что они — актеры, а не неизвестно кто; сейчас они занимают другие свободные ставки. Театр и в самом деле окупает себя и — даже при существующих рублевых билетах — дает небольшую прибыль; при нормальных ценах на билеты она была бы, естественно, больше. В жизнеспособности театра последние сомнения, если они и были у кого-нибудь, отпали; два спектакля — это уже репертуар, несомненно, появляясь и новые. Так что, надо полагать, пора: если коллектив хочет стать хозрасчетным, то он и должен стать таковым. Это ведь вещь и риск — но риск за этот театр не боится.

Ему есть из-за чего рисковать.

Юлия СМЕЛКОВ.

Моск. комсомолец 1988, 10 марта